

Линь Лин всю свою жизнь стремился лишь к одному — жениться на первой красавице Поднебесной.

Ускользнув от многочисленных соглядатаев, следивших за каждым его шагом, он, рискуя всем, выбрался из дома. Преодолев тысячи ли, питаясь чем придется и ночуя под открытым небом, он добрался до Яньцзина. Глубокой ночью он пробрался в загородную усадьбу премьер-министра, лишь бы воочию увидеть ту, кого называли первой красавицей Яньцзина. Увидел — и вернулся разочарованным, в самом дурном расположении духа.

Красавица, конечно, была хороша, но ей не доставало той самой искры, что пленяет сердце.

Не теряя ни минуты, он вскочил на коня и, не зная отдыха, помчался в Янчжоу. Там, не скупясь, он выложил целое состояние, чтобы провести ночь с Цзинь Юйлу, прославленной куртизанкой, чье имя гремело как имя первой красавицы Янчжоу. Но стоило той приподнять вуаль, как Линь Лин лишь позволил ей полвечера играть на цитре, а после, покачав головой и тяжело вздохнув, развернулся и ушел.

Кузина, разумеется, была эффектна, но в ней было слишком много наигранности.

Не желая сдаваться, он несколько дней бродил по округе и разузнал, что мать Лю Цзяоцзяо, прозванной первой красавицей мира боевых искусств, тяжело больна. Девушка должна была отправиться в Долину Царя Лекарств за спасительным снадобьем. А так как Долина находилась всего в одном городе от Янчжоу, он, не раздумывая, отправился в путь и засел в лесочке в десяти ли от Долины Царя Лекарств, дожидаясь появления красавицы.

Но вместо нее он дождался двух стрел.

Весьма учтиво вернув стрелы отправителю, он неожиданно для себя подобрал маленького слугу, умеющего готовить нищенского цыпленка.

Что ж, сделка вышла неплохой.

Линь Лин тихо напевал незамысловатую мелодию. Мотив был нежным и вкрадчивым, а вот слова — до крайности непристойными:

— Платье сброшено, явит нежность кожи,

Свечи дрожат, на теле свет играя.

Взгляд полон неги, страсть в глазах тревожит,

В сети любви, как в омут, завлекая.

В крепких объятьях время замирает,

Сердца сплелись, как искры в жарком танце.

Ночь так коротка, пусть страсть не угасает,

В пылу любви забудем все печали...

Он шел легкой, небрежной походкой, в то время как маленький слуга едва поспевал за ним. Тот старательно опускал голову, осторожно обходя сухие ветки, но в итоге все равно угодил ногой в ямку, прикрытую слоем трухи, и с глухим звуком растянулся на земле.

Линь Лин даже не замедлил шага, лишь уголки его губ тронула едва заметная усмешка. Он сорвал тонкую веточку, прижал ее тремя пальцами и резким движением кисти метнул, словно стрелу. Раздался короткий пронзительный писк — белка, сидевшая на дереве, камнем рухнула в кучу сухих листьев. В ее животе торчала та самая ветка, а из раны медленно сочилась кровь.

— Умеешь готовить белок? Не хочу есть ее печеной, — потребовал он, не терпя возражений.

Маленький слуга, только что вставший с колен и отряхивавший с одежды сухие листья, коротко кивнул. Не дожидаясь, видит ли его господин, он подошел к дергающемуся зверьку. Белка была крупной и тяжелой. Подумав, он ухватил ее за хвост и поволок за собой.

Трава у ручья еще не утратила своей зелени, вода с журчанием бежала по камням, прозрачная, как слеза — на дне можно было разглядеть играющих рыбок. Сухие листья, кружась в потоке, ударялись о прибрежную гальку и уплывали вдаль.

— Здесь и разделывай. Постарайся приготовить вкусно, — Линь Лин порылся за пазухой, достал маленький сверток с солью и протянул слуге. Заметив грязные руки мальчишки, он невольно поморщился.

Слуга дотащил добычу до кромки воды, опустил на корточки и первым делом вымыл руки, а затем принялся за дело. Он достал наконечник, снятый со стрелы, и острым краем принялся вскрывать брюшко белки.

...

За спиной слышался плеск воды, но Линь Лин словно не замечал этого. Он с аппетитом уплетал жареную на плоском камне бельчатину. Кожица получилась золотистой и хрустящей, а мясо — нежным. Мальчишка где-то раздобыл пучок водяного сельдерея, который, поджарившись, пропитался жиром и солью — отличное дополнение к мясу, чтобы сбить приторность. Поистине, жизнь была хороша.

Огромная белка исчезла в его желудке меньше чем за четверть часа. Линь Лин с сожалением облизал кончики пальцев и лишь тогда вспомнил, что не оставил слуге ни крошки. Подумав, он подобрал с земли гальку и со всей силы швырнул ее в воду. Всплыла крупная рыба, из раны

которой сочилась кровь, и течением ее прибило прямо к купающемуся слуге.

— ...

Слуга поднял взгляд на господина. Неужели такой огромной белки тебе было мало?

— Эту рыбу пожарь и съешь сам, — он помолчал, затем снова подобрал камень и метнул его в воду. На поверхность всплыла еще более крупная рыба. — А эта моя. Смотри не перепутай.

<http://bllate.org/book/21455/2192966>